

Проку́да и Пу́па

Подстать деревцо себе выбрал Пу́па, Попугай кархадский.

Волен был выбрать любое –
из древ разнообразных, на планете живущих. Из трёх триллионов.

Листопадных ли, хвойных – вечнозелёных.
Ценной породностью славных, или целебною силою. Или же –
блázных плодами, то и статью завидною, а ещё –
кряковйстых могутою...

Улюбовал же он даже не древце какое понурое, нйклое,
а и хоть бы берёзу покляпую ту – избылинную,
выбрал именно эту сосну – вредоносную.

Не рудóвого леса красавицу – красную, прямостойную,
выбрал именно эту сосну – виловáтую!

Многое ж в дереве том притягало непристойным комфортом...

Когда Пу́па впервые заметил его да уместился разом на облезлой ветви́не, дерево учтиво представилось:

— Проку́да.

— Барракуда? – едва вымолвил Пу́па, поджав хвостец да холодея – языком дробя́. Оттого и двойное [rr],
до́лжное бы стать роскошным раскатистым рыком крылатого мачо, обернулось досадным врезжанием:
с языком заедино мелко дрожал клюв... Проняло́ Пу́пу – и от самого факта говорящей деревесины,
и от зловещего имени, сулящего Попугаю одно: нехорошее...

Ответа не последовало.

Смеркалось.

В оти́шие оливных сумерек по-та́тски вник озноб барабанов, следом прокрался вязкий плач.

Небеса осиялись сполохами. Полились невидимые миру слёзы. Но попугаев при том никто не ел. Не кушал и даже
не покушался... И Пу́па, тем фактом слегка умирённый, деловито опростался с высоты положения на низы и
копошайщийся там быт, утопив по́ходя в своём гадком досужую Ули́ту, невесть зачем шлы́ндящую нагишом, без
ракушки, промеж гнуси, бытующей в древесном подножии. Ули́та тотчас предложила кому-нибудь сдаться: а вот
хоть бы Проку́де! что дереву мимолётно польстило, и пожаловало дерево слизню за речи верные премию
литературную. Не само ж, ясно, жаловало: к Букову Пню отправило – к своим, к приваженным утыркам да таким же
улиткам поближе, от себя же – подальше:

хоть и ничтожен да мал моллюск ули́точный, а всё ж – слизень: мерзко!..

И другой раз спросил Пу́па, уж с большею доблестью:

— Барракуда?

Тогда только в ответ и скрипнуло, то ли верескнуло, пропело ли:

— Можно и так. Даже лестно.

Осмелел чуток Пу́па. Ну, говорящее, так говорящее, мы ж с понятием: хочет древесина немолчать, пусть
немолчит. Хоть мычит! Лишь бы политкорректно.

— Не надо барракуды. Попугай не любит барракуду. Барракуда дискриминирует ранимую эстетику Пу́пы.

— Тогда – Прокуда. Просто Прокуда.

— Прокуда – политкорректно. Прокуда не ущемляет хрупкую самоидентичность Попугая.

— А барракуда ущемляет?

— Барракуда прямо указывает, кто кого будет есть... А долженствует быть обозначенным равный выбор
быть съеденным для всех участников процесса.

— Ну-ну... – и дерево надолго замолчало:

даже ему, проку́дливому, стало тягостно и уныло от экспромтом явленной неполживой правды...

И в дереве проснулся стыд: не вообще стыд, а стыд от присутствия в о́ном – в происходящем. Но и того было
достаточно: всполошённые личинки долгоносиков, да община жучков-короедов, да прочая гнусина всякая
спешно затеяли исход-миграцию, предвидя большую беду от убудившейся прокудливой стúды...

«... дуплѐц, ну точно – дуплѐц! Худоумец! У него ж вся тель в голове вытлела, да взамен трухою забилося», –
подумалось дереву... О дуплах оно знало всё, и знало: сие неизбывно, неизлечимо...

«... дуплѐц, дурак, глупый зверь, скудоумая птица!»

Древесной своей пронизательной чуйкой Прокуда безошибочно определил в Попугае “хомячковую ость” с её
сопутной хлúдой скудных желаньиц да гаденьких хотелок, да зѐложгучей потребностью казаться могутнее, круче,
самѐе. Но самѐе не “по са́му”, а за счёт присутствия в кадре, в соседстве... Да не просто в соседстве: в присусе-
дивании к чему-либо истому, всамделе великому. Вот здесь и сейчас – к нему: к Прокуде толи́кому, выдавшему виды,
и всех выдавшему, включая себя-возомнивших, в их числе Попугая...

... так то́ ж и личинки, и черви, и прочая вся́кость – копошились в телодреве Прокуды, в корнях ютились, их же точá,
пожирая, – не токмо ради одной дармовщины! А всё и по той же паскудной причине:

вкусив от великого – к нему ж присосаться, да вместе – и в вечность, в долгую память...

О трёх триллионах деревьев планеты Зелёна

encyclopedia | ‘Большая Зверомирская Энциклопедия Тиграуза и Тура’
| авторский парафразис

Мудрецы зверяньские перьев сломали немало, хребтов,
да тератонны грантов поели, классифицируя,
учитывая да подсчитывая планетарное имущество,
кое же зверяне наивно, бесхитростно, нагло
считали своей свойственной собственностью,
доставшейся им по факту присутствия рядом.

Впрочем, так же в Мирах своих поступали и все,
лишь стойло им научиться считать –
все alíquis sapiens: “кто-то мудрые”.

Что интересно:

на деле было лишь то, что было,
и сколько этого было, столько и было.
Чего же не было, того и не было.

Но мудрецы не могли сойтись даже в том, сколько
твердей, водой окружённых, считать Сушами,
сиречь – континентами, материками...

Да что мудрецы! Правительства разных держав
законами декларировали количество Суш на
планете: в каждой державе – своё.

Одни утверждали: Сушами следует звать лишь
четыре глобальные тверди – супертверди.

Другие высили ставки уже до пяти.

Зверомирцы же, в единении редком с кархадцами –
шесть заявляли.

Большинство же азийцев, а с ними – вропейцев
грудью стояли за то, что Суш ровно семь.

Льды Арктиды при том не считали.

Лично нам больше нравятся
две наивысшие ставки – обе сразу.

Посему на вопрос: сколько ж Суш на Зелёной
планете? – твёрдо ответствуем:

На планете Зелёна Сушь где-то шесть где-то семь.
Это точно.

Примерно так же считали деревья.